

УДК 903.5«638»(571.51)

О.В. Ковалева¹, А.В. Поляков², П.Б. Амзараков²

¹Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан, Россия;

²Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

ПОСЕЛЕНИЕ ПОЗДНЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ РОЩИНСКОЕ-2*

Поселение Рощинское-2 обнаружено в 2010 г. Саянской археологической экспедицией ИИМК РАН (под руководством А.В. Полякова) при проектировании строительства железнодорожной ветки Кызыл – Курагино на территории Курагинского района Красноярского края. При исследовании площади сплошным раскопом были найдены жилищные конструкции, объекты хозяйственно-бытового назначения, захоронения животных и людей. В статье представлены результаты исследования этого памятника. Важные выводы получены при изучении жилищ. Удалось определить основные элементы конструкций, позволяющие отнести их к полуземлянкам каркасно-столбового типа. Останки людей, обнаруженные в жилищах, принадлежали младенцам, а в безынвентарной могиле, найденной на территории поселения, – взрослым мужчинам, умершим в результате насильственных действий. Анализ вещественного материала и результаты радиоуглеродного датирования позволили определить, что поселение Рощинское-2 представляет собой монокультурный памятник, существовавший непродолжительный промежуток времени, датируемый IV–III вв. до н.э. (сарагашенский этап тагарской культуры).

Ключевые слова: Минусинская котловина, Курагинский район, Красноярский край, тагарская археологическая культура, сарагашенский этап, поселение Рощинское-2, жилища, захоронения.

DOI: 10.14258/tpai(2020)1(29).-03

Введение

Исследования памятников археологии в Минусинских котловинах продолжают уже почти 300 лет [Вадецкая, 1973]. За это время изучены тысячи объектов различных эпох [Вадецкая, 1986]. При этом исследованы они неравномерно. Чаще всего изучаются погребальные памятники: склепы, курганы, грунтовые могилы. А вот древние поселения и стоянки попадают в поле зрения археологов значительно реже. Их единичные раскопки не отражают всей полноты картины, которая могла бы рассказать о быте и условиях проживания людей, населявших в древности этот регион. «Такое соотношение исследованных погребальных и поселенческих комплексов, несомненно, создает одностороннее, если не сказать, искаженное представление о характере развития минусинских культур, так как известно, что погребальный обряд и набор предметов сопроводительного инвентаря, как бы впечатляюще они не были, в большей степени отражают сакрализованную, обусловленную мировоззрением и ритуалом, сторону жизни древних обществ. За пределами внимания исследователей при таком соотношении источников в значительной мере остается то, что принято называть бытовой или традиционной культурой во всем многообразии и сложностях ее проявления» [Савинов, 1996, с. 7].

Такая ситуация стала следствием целого ряда причин, которые в комплексе и привели к столь заметному дисбалансу. Это и затопление огромных прибрежных территорий в ходе строительства Красноярской ГЭС, и активное меандрирование и смещение русла второй по величине реки Абакан. В результате этих явлений были полностью уничтожены или затоплены сотни километров береговой линии, где чаще всего и рас-

* Исследование выполнено в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания №0184-2019-0004 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н.э. – I тыс. до н.э.)».

полагались поселения. Не последнюю роль сыграла активная распахка огромных площадей в 50–60-х гг. прошлого века. Наконец, значение имеет определенная инерция мышления работающих в регионе археологов, которым гораздо проще работать с понятными им и легко визуально выделяемыми курганами, чем закладывать сотни шурфов в поисках немногих сохранившихся поселений.

На данный момент на территории Минусинских котловин обнаружено и зафиксировано чуть более 60 поселений скифского времени (тагарская культура), подавляющее большинство которых не подвергалось раскопкам. Те немногочисленные исследования, которые все-таки вошли в научную литературу, относятся к 20–70-м гг. XX в. и соответствуют методике того времени. В этой связи для Минусинских котловин огромное значение имеют любые новые раскопки, которые позволяют получить актуальную информацию о быте древнего населения. Раскопки поселения Рошинское-2 имеют особое значение, так в их ходе были обнаружены котлованы жилищ и многочисленные хозяйственные ямы.

Краткая история изучения поселений тагарской культуры

Впервые исследование поселения тагарской культуры было проведено в 1922 г. С.А. Теплоуховым в ходе работ у с. Батени. Это были незначительные по масштабу раскопки многослойного поселения, один из горизонтов которого содержал находки тагарского времени. Чуть позже этот же исследователь провел работы на поселении Ярки, которое также относится к начальному этапу тагарской археологической культуры [Мартынов, Абсалямов, 1988, с. 4].

В 1930–1940-х гг. в Минусинских котловинах было открыто около 30 поселений тагарского и переходного тагаро-таштыкского времени. Большая часть осталась неисследованной, но, несмотря на это, уже тогда удалось разделить их на различные типы. К одному из них относятся окруженные валом и рвом временные укрытия разной площади. Культурный слой у таких укрепленных поселений, как правило, имеет небольшую мощность и невысокую концентрацию находок (Усть-Ербинское поселение у с. Тесь и др.) [Киселев, 1951, с. 251–252]. Такие сооружения, очевидно, носили оборонительный характер и использовались недолго.

Другой тип поселений – долговременные неукрепленные места обитания с относительно мощным культурным слоем и высокой концентрацией находок. Большинство таких памятников исследовались небольшими площадями, и поэтому на них редко удавалось обнаружить жилищные постройки (поселения у с. Кривая, Абаканское, Кочулька). Остатки полуземлянок тагарского времени были найдены В.П. Левашевой при раскопках поселений у деревни Быстрая и на Лугавской стоянке в 1934 г. [Мартынов, Абсалямов, 1988, с. 8]. В последнем случае стоянка оказалась многослойной (начиная от финала эпохи бронзы и вплоть до средневековья), и поэтому определить точную культурную принадлежность жилища не удалось.

К середине 1980-х гг. число известных поселений заметно возросло, однако полностью раскопано было только четыре жилища [Вадецкая, 1986, с. 94]. Они исследованы М.Н. Комаровой на поселениях Гришкин Лог-VI и VII в 1958 г. и представляли собой небольшие квадратные в плане полуземлянки площадью 20–25 кв. м, углубленные на 0,7–0,8 м до скального основания [Мартынов, Абсалямов, 1988, с. 86]. Подобная же конструкция раскопана в 1963 г. С.А. Рахимовым под руководством М.П. Грязнова на поселении Лобик. Оно находилось в 2 км к северо-западу от с. Батени на второй

надпойменной террасе, у подножья горы коренного берега Енисея. По материалам, полученным в результате раскопок, жилище было отнесено к сарагашенскому этапу тагарской археологической культуры (IV–III вв. до н.э.). Оно состояло из основного центрального, и двух примыкающих к нему подсобных помещений. Основная часть находок была сосредоточена в центральном помещении, в котором удалось проследить наличие земляного пола. У северного угла второго помещения обнаружено погребение грудного ребенка [Мартынов, Абсалямов, 1988, с. 86]. Более масштабные раскопки поселений тагарской культуры проводили М.Б. Абсалямов и А.И. Мартынов, опираясь в значительной степени на материалы северо-западной периферии ее ареала в Ачинской-Мариинской лесостепной полосе [Абсалямов, 1977; Мартынов, Абсалямов, 1988].

В 1990-х гг. на территории Минусинских котловин В.А. Минором велись небольшие рекогносцировочные раскопки на поселениях эпохи раннего железного века с целью уточнения их хронологической и культурной атрибуции (Подкуня-I, Подкуня-II, Узун-Хыр и др.). Были сделаны планы нескольких жилищ разного типа, расположенных в долине р. Биджа, опубликованные В.А. Минором [2017, с. 38–47]. Наиболее актуальные работы по исследованию поселений скифского времени в Минусинских котловинах проведены в 2012–2015 гг. 1-м отрядом Саянской экспедиции ИИМК РАН в ходе подготовки к реализации проекта строительства железнодорожной линии Кызыл – Курагино. Исследования велись на многослойной стоянке Ирба-2, где один из основных горизонтов датировался скифским временем [Александров и др., 2012; Александров и др., 2013; Амзараков и др., 2017]. Частично исследовано поселение Старая Копь-1, где получены важные результаты [Поляков, 2012; Амзараков и др., 2015]. В 2012 г. были раскопаны поселения Рощинское-1 и Рощинское-2, и если первое из них практически не дало научных результатов, то второе оказалось наиболее информативным из всей этой свиты памятников.

Поселение Рощинское-2 и результаты его исследования

Поселение Рощинское-2 выявлено в 2010 г. при проведении разведки в рамках охранно-спасательных работ, проводившихся Саянской экспедицией ИИМК РАН (под руководством А.В. Полякова) при проектировании строительства железнодорожной ветки Кызыл – Курагино на территории Курагинского района Красноярского края. Оно было расположено на пашне в 2,5 км к востоку от пос. Рощинское между руслом р. Туба и первой грядой предгорий Саян (рис. 1). Несмотря на то, что поселение подвергалось многолетней распашке, повредившей культурный слой, в ходе раскопок на нем удалось обнаружить 28 различных объектов, включающих три жилища (типа полуземлянок), хозяйственные ямы, очаги, погребения людей и захоронения собак. Общая площадь вскрытия составила свыше 1000 кв. м (рис. 2).

Жилище №1 (объект №1) расположено в северо-западной части раскопа. На уровне материка (по горизонту зачистки) объект «читался» как прямоугольное пятно темной гумусированной супеси (рис. 3). Сооружение было ориентировано по линии ЮВ–СЗ. Котлован жилища размерами 7,9×7,3 м имел прямоугольные очертания. С юго-востока к нему примыкал вытянутый «коридор» – 5,6×3,5 м. От уровня материка у северо-западной и юго-восточной стенки глубина котлована составляла 0,33–0,37 м, ближе к центру шло его равномерное понижение. Такая же ситуация наблюдалась у основания входа в коридор, где глубина оказалась всего 0,1–0,15 м. В заполнении

жилища обнаружены небольшие фрагменты бересты и древесины, оставшиеся, возможно, от перекрытия. Основной материал, зафиксированный в заполнении котлована, – фрагменты керамических сосудов и остеологические остатки. Наибольшая их концентрация отмечалась в центральной части строения.

Рис. 1. Район пос. Курагино (Красноярский край) с указанием местоположения упоминаемых в статье археологических памятников

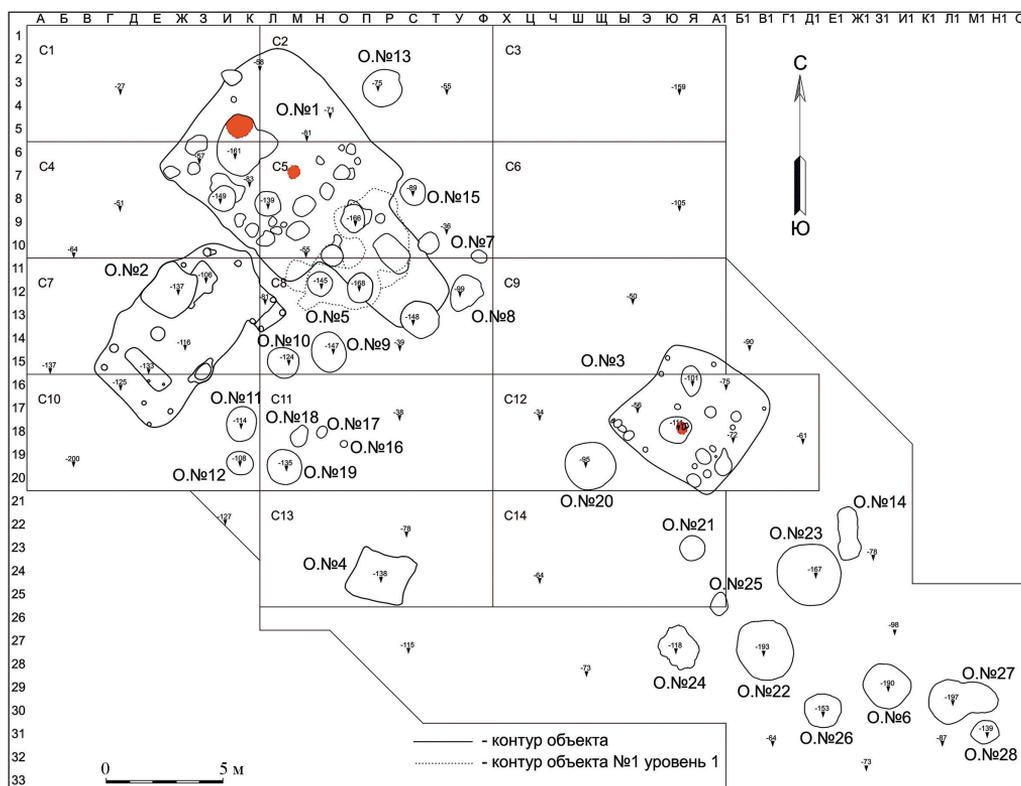

Рис. 2. Рошинское-2. Общий план раскопа с объектами

Рис. 3. Рошинское-2. Объект №1 (жилище №1). Пятно темной гумусированной супеси. Заполнение котлована жилища №1. Вид с юго-запада

На уровне дна котлована в жилище выявлены 28 объектов (рис. 4). Среди них можно выделить 10 вертикальных ямок сравнительно небольшого диаметра, от 0,24 до 0,5 м. Их расположение и конфигурация позволяют предположить, что они служили для небольших поддерживающих столбиков, которые в процессе ремонта сменяли один другой (№1–4; 1–5; 1–12; 1–13; 1–14; 1–15; 1–19; 1–25; 1–27; 1–29). Ямы от столбов большего диаметра, размерами от 0,46 до 0,95 м, глубиной 0,3–0,5 м были обнаружены в центре у юго-восточной и северо-восточной стенки и у основания «коридора» жилища. Их рас-

положение указывает на то, что установленные в них столбы выполняли основную опорную функцию и являлись осявыми (№1–10, №1–17, №1–21, №1–24, №1–28). Внутри заполнения некоторых столбовых ям встречалась забутовка из колотого галечника.

В центральной части жилищного котлована обнаружен небольшой участок прокаленной земли (№1–30) диаметром 0,6 м. Толщина слоя прокала в его центре составляла

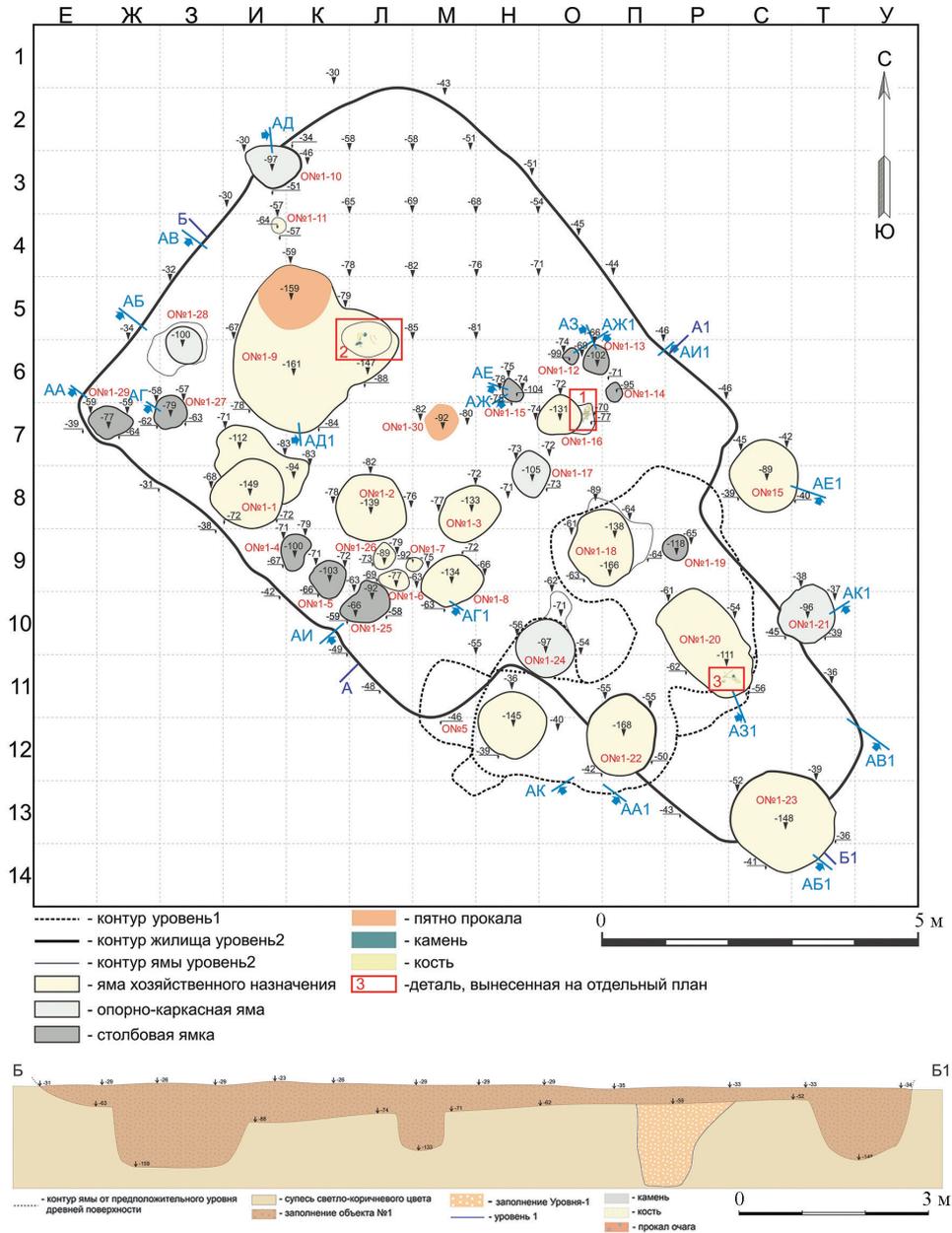

Рис. 4. Рощинское-2. Объект №1 (жилище №1). План жилища с внутренними конструкциями и стратиграфический разрез по линии Б–Б1

Рис. 5. Рощинское-2. Объект №1 (жилище №1).
Прокол очага №2. Вид с юга

0,06–0,07 м. Более мощные следы воздействия высоких температур зафиксированы у северной стенки жилища в хозяйственной яме №1–9 диаметром 1,2 м на глубине 0,7 м (от уровня дна котлована) (рис. 5). Прокол округлой формы, диаметром 1 м, в западной части достигал 0,2 м, у восточного края его мощность сокращалась до 0,1–0,12 см. Оба прокола представлены слоем пестрой, плотной супеси оранжево-коричневого цвета. Каких-либо дополнительных очаговых конструкций не обнаружено. По всей видимости, очаги в жилище были напольными. По периметру всего котлована расположены хозяйственные ямы сравнительно большого диаметра – 1–1,2 м, глубиной от 0,72 до 0,95 м от уровня дна котлована. В их заполнении встречались кости животных (в основном крупного и мелкого рогатого скота) и фрагменты керамики. В таких объектах обнаружены две костяные проколки, (одна из которых была изготовлена из шлифованного рога животного). Кроме того, в заполнении самого жилища в кв. К-8 найден костяной наконечник стрелы с нанесенными на него гравировками (рис. 6.-12).

На территории жилища в борту ямы (объект №1–16) хозяйственного назначения найдено *in situ* одиночное погребение младенца, ориентированного головой на север (рис. 7). Сверху над черепом ребенка лежал фрагмент венечной части сосуда. Еще человеческие останки, состоявшие из фрагментов верхней и нижней челюстей и лучевых костей, обнаружены в переотложенном состоянии в объекте №1–20, расположенном в конце «коридора» у основания входа в основной котлован жилища. Объект представлял собой вытянутую яму овальной формы (размерами 1,6×1 м и глубиной 0,7 м от уровня дна котлована) ориентированную по линии ЮВ–СЗ. Кроме человеческих костей в заполнении также находились кости животных.

В процессе исследования ямы №1–20 после завершения разбора ее гумусированного заполнения и фиксации дна было обращено внимание на неоднородную структуру стенок, включавших небольшие вкрапления гумусированной супеси. Поэтому осуществлен контрольный прокоп. В процессе этого был выявлен не фиксируемый на поверхности дна котлована перекрытый переотложенным слоем материковой супеси нижний уровень объекта, представляющий собой большой котлован неправильной формы размерами 5×3 м и глубиной до 1,4 м от уровня дна объекта №1. В нижней части котлован прорезал подстилавший слой крупнозернистого рыхлого слоистого песка аллювиального происхождения на глубину до 0,4 м. Стенки котлована были практически отвесные, в юго-западной части имели ступенеобразные выступы. В северной части объекта (на дне) зафиксировано скопление колотой гальки со следами термического воздействия

и небольшое количество остеологического материала. Возможно, каменные прокаленные гальки служили для дополнительного обогрева в холодное время года. Их могли помещать в различные части помещения, куда не доходило тепло от основного очага. По всей видимости, котлован объекта представлял собой временную жилую постройку, которая была перекрыта уже более капитальной конструкцией.

В результате исследования выявлены некоторые конструктивные особенности жилища. Основу жилища составляли опорные столбы, что указывает на каркасно-столбовой характер конструкции. Вдоль стен и по центру зафиксированы относительно небольшие столбовые ямки, вероятнее всего, свидетельствующие о значительной нагрузке на верхнюю часть сооружения. В различных частях жилища (у очагов и у основания коридора) обнаружено несколько ям хозяйственного назначения, в одной из которых *in situ* найдено захоронение младенца. Подобные случаи уже неоднократно отмечались при исследовании жилищ. Так, например, скелет ребенка младенческого возраста был обнаружен в сооружении №23 и жилище 19 при раскопках городища Чича в Барабинской степи. Останки находились в заполнении одной из столбовых ям сооружения и на уровне пола котлована жилища [Молодин и др., 2004, с. 22, 29].

Остается открытым вопрос о других переотложенных фрагментах скелета, обнаруженных в Роцинском-2. Возможно, их появление связано с каким-либо ритуалом парциального захоронения в пределах жилищного комплекса. К этому же ритуалу могли иметь отношение и захоронения отдельных частей животных, располагавшихся компактно. Их однотипный характер (например, только челюсти или какие-то определенные части скелета), локальное расположение, отсутствие следов повреждения

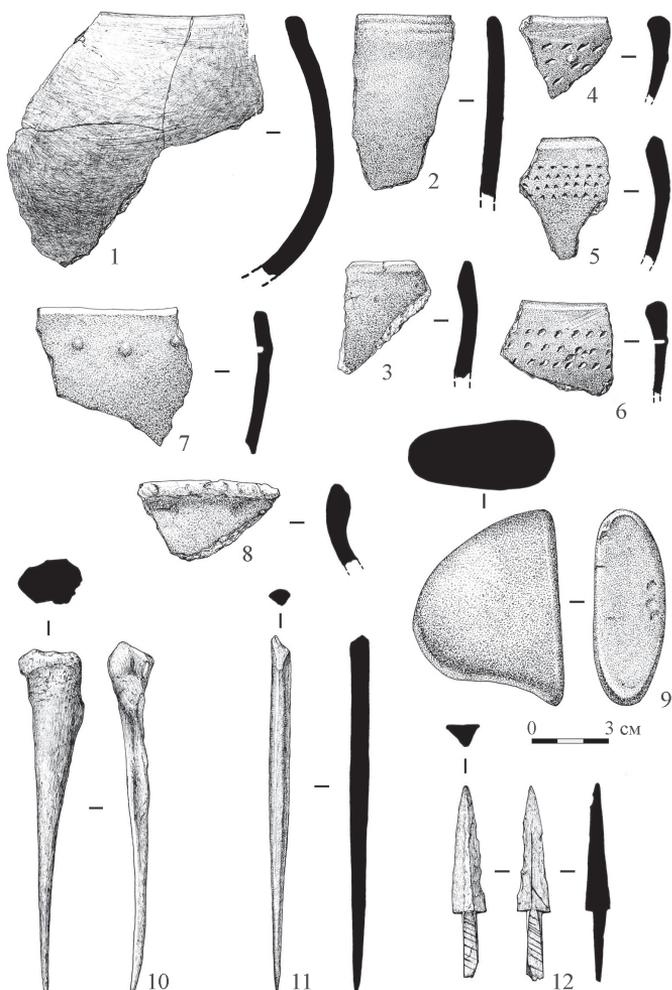

Рис. 6. Роцинское-2. Раскоп №1. Находки из жилища №1 (объект №1): 1–8 – фрагменты керамических сосудов; 9 – каменный терочник; 10, 11 – костяные проколки; 12 – костяной наконечник стрелы

ный грунтовыми ступеньками, по углам которых удалось проследить следы от опорных столбов. Его глубина составила 0,1–0,15 м от уровня зачистки. Внутри котлована зафиксировано 20 объектов. Среди них – столбовые ямки (12 шт.), расположенные вдоль стенок и на ступеньках входа, и объекты хозяйственно-бытового назначения. К последним относятся два небольших углубления удлинненно-овальной формы (0,07–0,09 м от уровня дна котлована), которые могли быть использованы как оформленные места для отдыха (возможно, лежанки). Один из них (размерами 2×0,95 м) был расположен вдоль северо-западной стенки постройки. Он перекрывал более крупную яму подпрямоугольной формы, размерами 2×1,66 м и глубиной 0,15–0,2 м от уровня дна котлована. Другой подобный (2,3×0,85 м) объект располагался вдоль юго-западной стенки конструкции. В заполнении, ближе к дну котлована, в его южной части, найдены разрозненные кости младенца. В заполнении хозяйственно-бытовых объектов фиксировались фрагменты керамики и костей животных (рис. 9). Очаг внутри периметра конструкции обнаружен не был. В совокупности с отсутствием других свидетельств, позволяющих однозначно охарактеризовать объект исключительно как жилую постройку, можно предположить, что сооружение использовалось в теплое время года и представляло собой своеобразную временку с ограниченным хозяйственным функционированием.

Жилище №3 (объект №3) обнаружено в юго-восточной части раскопа на уровне горизонта зачистки в виде прямоугольного пятна, заполненного темной гумусированной супесью (рис. 10). Его котлован имел подквадратную в плане форму размерами 5,5×5 м и глубиной до 0,1–0,15 м и был ориентирован по линии ЮВ–СЗ. На площади жилища зафиксировано около 20 объектов. Среди них – остатки 10 столбовых ям, располагавшихся вдоль стенок и внутри жилища, углубленная яма с прокалом внутри (очаг) и ямы хозяйственного назначения. Диаметр столбовых ям составлял 0,24–0,29 м, их глубина колебалась в пределах 0,02–0,37 м от уровня дна жилищного котлована. Внутри заполнения нескольких столбовых ям встречалась забутовка из колотого галечника. Яма диаметром 1,2 м со следами прокала располагалась

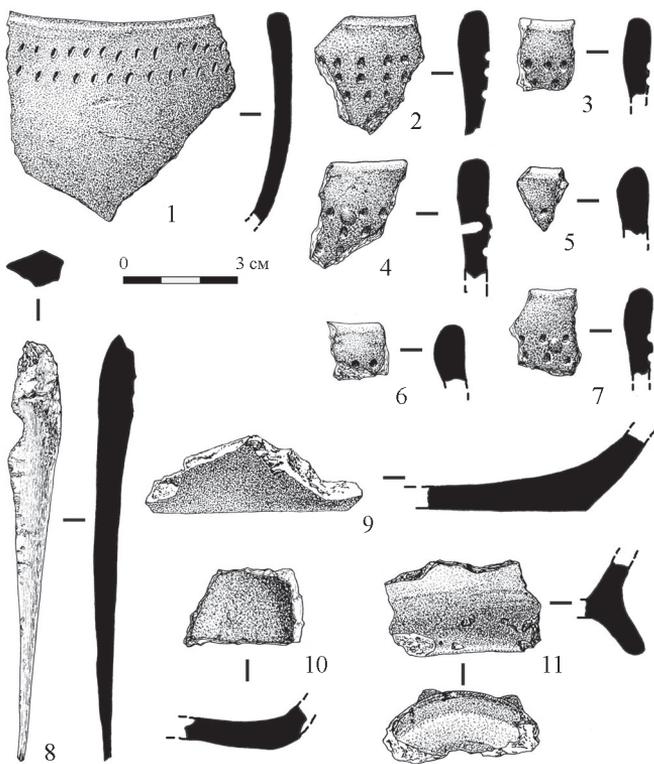

Рис. 9. Рошинское-2. Находки из жилищ №2 и 3 (объекты №2 и 3): 1–7 – фрагменты керамических сосудов; 8 – костяная проколка; 9–11 – фрагменты керамических сосудов

почти в центре жилища с небольшим смещением к юго-западу. Ее глубина составляла 0,45 м от уровня дна жилищного котлована. Прокол представлен пестрой оранжево-черной супесью мощностью 0,25 м. На стенке ямы обнаружена небольшая расколовшаяся плита песчаника (возможно, остатки облицовки очага). Следы дополнительных очаговых конструкций зафиксированы не были. Хозяйственные ямы различных форм и размеров (преимущественно диаметром 0,7–0,8 м и глубиной 0,35–0,5 м) располагались в основном в центре жилища. В их заполнении встречались фрагменты керамики и остеологический материал (рис. 9).

Объекты за пределами жилища представлены в основном хозяйственно-бытовыми ямами различной глубины и конфигурации с преобладанием округлых очертаний. На поверхности они фиксировались в виде четко выраженных пятен темно-гумусированной

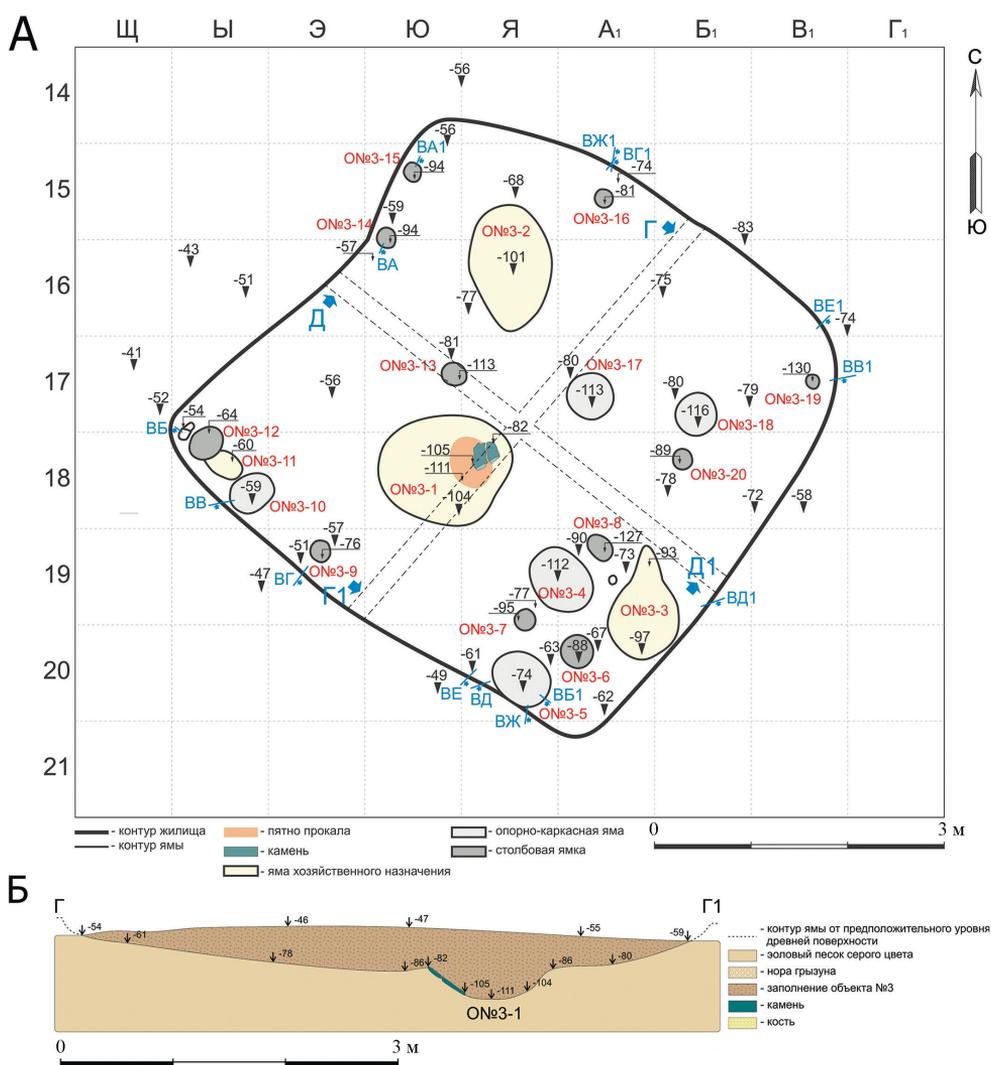

Рис. 10. Рощинское-2. Объект №3 (жилище №3).

План жилища с объектами и его стратиграфический разрез по линии Г–Г₁

супеси. В их заполнениях преобладали находки фрагментов керамических сосудов и костей животных. Кроме типичных ям хозяйственно-бытового назначения выявлены и объекты другого типа.

Особый интерес представляет объект №6, обнаруженный в юго-восточном углу раскопа. Первоначально он интерпретировался как еще одна хозяйственная яма диаметром 2,3 м. Однако при разборе заполнения (на глубине приблизительно 1 м) находилось безынвентарное захоронение пяти человек и собаки (рис. 11). Умершие были одномоментно сброшены в яму без придания телам специального положения. После этого их останки засыпались слоем земли мощностью 0,1–0,12 м, поверх которого положили труп собаки.

Рис. 11. Рошинское-2. Объект №6. Верхний уровень захоронения. Вид с востока

Первый (один из верхних) скелет мужчины 35–40 лет демонстрировал вытянутое положение на спине, головой на запад, с полусогнутыми в локтях руками. Правая кисть располагалась на пояснице, левая находилась на предплечье. Правая голень перекрывала часть поясницы второго скелета. Голова умершего раздроблена.

Второй скелет (юноша в возрасте 15–18 лет) перекрывал останки нижнего пятого человека. Он лежал в вытянутом положении на спине, ориентированный головой на восток, с сильно подогнутыми в коленях ногами. Поясничный отдел позвоночника был слегка вдавлен в череп пятого скелета. Его правое бедро и голень перекрывали поясничную область скелета четвертого человека.

Третьи останки – мужчины старше 55 лет, который лежал на животе, головой на северо-запад. Правая рука согнута в локте, при этом кисть находилась в районе груди, а другая кисть слегка согнутой руки располагалась в районе поясницы. Левая голень перекрывала правое бедро четвертого скелета, а две бедренные кости – останки пятого человека.

Четвертый скелет принадлежал мальчику-подростку 13–15 лет, который лежал на правом боку, головой на юг с небольшим смещением к западу. Его правая рука была полусогнута в локте и находилась под правым боком. Левая была выпрямлена. Таз и бедренные кости перекрывали таз и поясницу нижнего скелета.

Останки пятого человека принадлежали подростку мужского пола в возрасте 12–13 лет, который лежал на животе головой на восток. Левая рука была сильно согнута в локте, перпендикулярно лопатке. Кисть находилась под черепом. Правая рука была выпрямлена, ее кисть располагалась под тазом четвертого скелета, который также перекрывал его левую и правую ноги.

По всей видимости, первоначально в яму, которая использовалась для хозяйственных нужд, были сброшены останки №4 и 5, на них сверху – останки №2 и на финаль-

ной стадии – останки №3 и №1. Очевидно, что смерть этих людей имела насильственный характер. Об этом свидетельствуют раздробленный череп 40-летнего мужчины и неестественные позы других людей. Отсутствие сопроводительного инвентаря и следов традиционного для этого хронологического периода погребального ритуала указывают на пренебрежительное отношение к условиям погребения этой группы. Примечательным является тот факт, что на поселении не зафиксировано женских останков. Следовательно, можно осторожно предположить, что мужская часть населения погибла в результате враждебного «набега», а женская половина была «уведена». На такую же мысль наталкивает и возрастной состав погребенных, в котором преобладают подростки. Кроме того, единственный мужчина среднего возраста оказался с проломленным черепом (возможно, тот, кто мог оказать активное сопротивление).

Относительно других останков людей, обнаруженных непосредственно в жилищах, можно говорить о традиционности данного явления. Отдельные части скелетов, черепа, зубы, а зачастую и полные захоронения (в основном младенцев) неоднократно фиксировались при раскопках различных поселений. Только на городище Чича-1, расположенном в Барабинской степи (Новосибирская область), отмечено около 10 таких случаев. Погребения были совершены в небольших неглубоких ямках, соответствующих размерам младенцев. Инвентарь за редким исключением отсутствовал [Молодин и др., 2004, с. 286].

Обряд захоронения умерших под полом и стенами характерен для многих традиционных обществ, но оценить широту его распространения проблематично, так как большинство поселений раскапывались только частично. Чаще всего этот обычай связывают с существованием у этих древних коллективов оседло-земледельческого производящего хозяйства. В Средней Азии эта традиция получила распространение в IV тыс. до н.э. и просуществовала до этнографической современности [Литвинский, 1952, с. 49–50; Заднепровский, 1962, с. 99]. В Верхнем Приобье при исследовании поселения эпохи бронзы Берёзовая Лука были обнаружены шесть погребений младенцев, а также разрозненные кости еще нескольких человек уже зрелого возраста [Кирюшин, Тишкин, Грушин, 1999, с. 391]. Известны погребения маленьких детей под полом андроновских жилищ [Кузьмина, 1994, с. 97].

Как и на поселении Рошинское-2, в других случаях не отмечались явные признаки намеренного умерщвления детей либо каких-то последующих манипуляций с телом. Несмотря на существование в традиционных обществах такого явления, как принесение строительных жертв при сооружении погребальных конструкций, нельзя однозначно сказать, что тот же самый ритуал использовался при строительстве домов. Отмечается только то, что дети были погребены под жилищами в тот период, когда они функционировали. Кроме того, неоднократно фиксировалось, что большинство детских погребений находились вблизи углов, стен котлованов или входов в постройки (проходов из помещения в помещение), то есть в местах наименьшего движения [Виноградов, Берсенева, 2013, с. 66].

О причинах погребения детей в жилых домах выказывалось много гипотез. Несмотря на их разнообразие, суть сводится всего к нескольким логическим направлениям. Одно из них идет по пути признания жертвенного характера такой традиции. Сюда входят различные варианты интерпретации этой жертвы: принесенная при строительстве [Формозов, 1984, с. 240; Кузьмина, 1994, с. 97 и др.], забота о продолжении рода, связанная с культом плодородия [Бибиков, 1953, с. 197–198; Антонова, 1990, с. 106–107], предотвращение болезни и смерти членов коллектива в настоящем

и будущем времени [Антонова, 1990, с. 105]. Другое направление связано с идеей возрождения умершего или его незримого присутствия рядом с семьей [Алѣкшин, 1986, с. 152]. У некоторых народов не достигший определенного возраста ребенок принадлежал в большей степени не миру людей, а миру духов и наделялся соответствующими качествами, позволявшими выступать в роли медиатора [Молодин и др., 2004, с. 287]. Вероятно, по этой же причине погребение очень маленьких детей не требовало соблюдения ритуалов, четко установленных в тот период времени.

Объекты №20 и 27. Объект №20 был обнаружен на расстоянии 1,3 м от юго-западного угла жилища №3. Он фиксировался в виде круглого пятна темного гумусированного заполнения. Объект представлял собой яму круглой в плане формы диаметром 2,03 м, глубиной 0,61 м от уровня зачистки и 0,76 м от предположительного уровня погребенной поверхности. На дне ямы *in situ* находилось захоронение собаки, которая была уложена на живот, с подогнутыми лапами и ориентирована по линии ЮВ–СЗ, головой на северо-запад. При этом нижний отдел позвоночника имел явные следы повреждения. Кроме останков собаки, других находок в яме не обнаружено.

Еще одно захоронение собаки (объект №27) зафиксировано в 0,8 м к востоку от безынварного погребения людей (объект №6). Животное было помещено в двухуровневую яму овальной формы, размерами 2,78×1,79 м. Верхняя часть оказалась относительно неглубокой, около 0,25 м от уровня зачистки и 0,4 м от предположительного уровня погребенной поверхности. Другая часть ямы, в которой *in situ* находились останки, оказалась значительно глубже и достигала 0,98 м. Собаку положили на спину с вытянутыми лапами, в слегка изогнутом положении. Она ориентирована по линии З–В (головой на запад). Несколько ребер с левой стороны сломаны. На месте желудка собаки под ребрами обнаружены частично переварившиеся кости другого животного. Кроме скелета собаки, в яме найден фрагмент костяного изделия.

Захоронения собак на территории Минусинских котловин были широко распространены, но фиксировались они в основном в погребальных памятниках. Это можно объяснить количественным соотношением и степенью изученности погребальных и поселенческих комплексов. Наиболее ранние и достоверно датированные захоронения собак в Минусинских котловинах относятся к карасукскому времени. Обряд доживает до тагарской эпохи, усложняется на сарагашенском этапе, а на тесинском достигает своего апогея [Кузнецов, 1998, с. 11]. Для финала тагарской археологической культуры (сарагашенский этап) погребения этих домашних животных были отмечены в насыпях курганов, пристройках к ограде, под полом или нижним венцом сруба [Вадецкая, 1986, с. 94]. В нескольких случаях собака была погребена вместе с человеком и выступала в роли «живого инвентаря» – собственности погребенного. Зафиксированы случаи самостоятельного захоронения собаки (как с инвентарем, характерным для того периода времени, так и без него) [Кузнецов, 1998, с. 12, 13]. На финальном и переходном (тесинском) этапах получает распространение обычай класть в грабительский лаз или могилу тело животного (а иногда человека), используемого в качестве жертвы, совершенной при ограблении кургана. В этих случаях фиксируются следы явного насильственного умерщвления.

Безусловно, такое домашнее животное, как собака, играло важную роль в жизни людей. Функции, которые исполняла собака (сторож, охранник стада, защитник и верный друга охотника-промысловика), наделяли ее качествами, проявляющимися в особом к ней отношении, которое нашло отражение в обрядовой деятельности.

Захоронения собак в пределах поселенческих комплексов встречаются повсеместно при условии исследования памятников большими площадями, с межжилищными пространствами. Их хронология и культурная принадлежность различна от эпохи бронзы до этнографической современности. Захоронения представлены как парциальными, так и полными скелетами. Особый статус собаки определял традиционную интерпретацию большинства таких случаев как сакральную. Животное могло использоваться в качестве строительной или охранной жертвы. В таких случаях оно закапывалось недалеко от вновь построенного дома (например, угла, входа) или городской стены [Журавлев, Саблин, Строков, 2016, с. 37]. В то же время оно могло участвовать в ритуале очищения жилого пространства и охранять от проникновения злых духов.

Стоит заметить, что не во всех случаях захоронения собак имели сакральное значение. Иногда можно встретить и простую утилизацию трупов животных в ямах или рвах хозяйственно-бытового назначения. На поселении Рошинское-2 нет четких свидетельств ритуального характера погребений собак, но косвенные признаки указывают на него. Следует отметить расположение объекта №20 в непосредственной близости от юго-западного угла жилищной конструкции, а объекта №27 – недалеко от безынвентарной могилы с пятью людьми (объект №6). Следует отметить сломанные ребра и остатки непереваренной пищи в животе собаки, указывающие на насильственный характер смерти животного.

Вещественный комплекс

Всего на поселении Рошинское-2 обнаружено 540 артефактов. Массовый материал представлен неорнаментированными фрагментами керамики. Основная часть находок происходит из котлованов построек и ям хозяйственного назначения. Лишь небольшой процент фрагментов был обнаружен между жилищами. Сосуды имели баночную форму и красно-коричневый или пепельный цвета. Поверхность их шероховатая и не имеет лощения. Отмечается ярко выраженная пятнистость, вызванная неравномерным обжигом. Венчик прямой, без скосов и утолщений, орнаментация, как правило, отсутствует. Такая керамика была характерна для большинства позднетагарских и переходных тагаро-таштыкских комплексов Минусинской котловины.

Другой тип керамики, встречающийся значительно реже, представлен черепками кирпично-красноватого или черного цвета с гладкой, но не лощеной поверхностью. Венечная часть этих сосудов имеет орнаментацию в виде рядов наклонных или прямых оттисков гладкого штампа, ямочек и «жемчужин», выдавленных изнутри (рис. 9.-2–7). Тесто плотное, однородное, с мелкой дресвой, используемой в качестве отошителя. Венчик, как правило, имеет значительное утолщение в верхней части. Подобная керамика чаще всего встречается на окраинах Минусинских котловин и тяготеет к лесостепной зоне. Фрагменты подобных сосудов были обнаружены при исследовании расположенных вблизи поселения Старая копь-1 и стоянка Ирба-2 [Поляков, 2012, с. 259]. Аналогичные изделия фиксируются также в Ачинско-Мариинской лесостепи [Мартынов, Абсалямов 1988, рис. 5, 6].

Кроме того, были зафиксированы немногочисленные фрагменты темно-серых лощеных керамических сосудов, тяготеющих к шаровидным формам. Один из них оказался орнаментирован слабовыраженными «жемчужинами». Отдельно стоит отметить находку нижней части сосуда с поддоном, обнаруженную в заполнении жилища №2 (рис. 9.-11). Традиционно появление таких керамических изделий связывают с сарагашенским этапом тагарской археологической культуры. Существовали они и в переходный тагаро-таштыкский период [Грязнов, 1968, с. 191; Вадецкая, 1986 и др.]. Анализ керамики позволяет го-

ворить о сосуществовании на памятнике различных керамических традиций. Одна из них, представленная массовым материалом, была характерна для степных территорий Минусинских котловин, другая отражает элементы, свойственные уже для культур лесостепного пояса. Такое сочетание легко объясняется местоположением самого памятника, находящегося непосредственно в пограничной зоне, на границе степей и подтаежной зоны.

Каменный инвентарь, обнаруженный на Рощинском-2, характерен для большинства поселений раннего железа. Он представлен орудиями сельскохозяйственного, хозяйственно-бытового назначения и приспособлениями для рыбной ловли. К предметам хозяйственно-бытового назначения можно отнести отщепы с рабочей ретушью, скребок и оселки (5 шт.). Последние представляли собой гладко зашлифованные брусочки правильных геометрических очертаний, изготовленные из окремненных сланцевых пород, иногда с отверстием на одном конце для подвешивания к поясу (рис. 12.-3, 4). Подобные предметы хорошо известны по изображениям на «оленных» камнях и по редким находкам в погребениях скифского времени [Манай-Оол, 1970, с. 58; Волков, 2002, с. 151]. Орудия, связанные с земледелием, представлены пестами и обломками курантов от зернотерок ладьевидной формы. Несмотря на то что поселение располагалось сравнительно далеко от воды, в комплексе обнаружено несколько грузил для сетей. Они изготовлены из плоских галек, грани которых подправлялись поперечными выемками. В целом каменный инвентарь был широко распространен в быту племен, но проследить это удастся прежде всего по материалам поселений. Погребальная традиция этого времени не предполагала помещения в могилу орудий труда.

Костяные предметы представлены проколками из заостренных «грифельных костей» (3 шт.), шлифованным стерженьком и просверленными астрагалами (рис. 6.-10, 11; рис. 12.-5). В заполнении хозяйственной ямы жилища №1 найден черешковый наконечник стрелы с гравированными насечками (рис. 6.-12). Период бытования такого типа

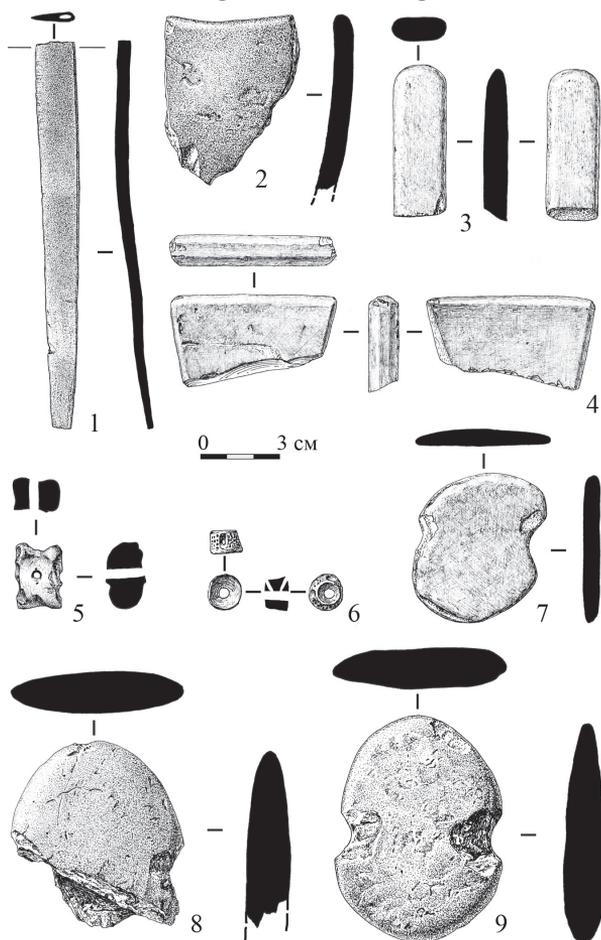

Рис. 12. Рощинское-2. Находки из межжилищного пространства: 1 – фрагмент бронзового пластинчатого ножа; 2 – фрагмент керамического сосуда; 3, 4 – фрагменты каменных оселков; 5 – костяной астрагал с отверстием; 6 – костяная пронизь из позвоночника рыбы; 7–9 – каменные грузила для сетей

наконечников охватывает широкий хронологический промежуток. Они появились на заре тагарской археологической культуры и продолжали существовать вплоть до переходного тагаро-таштыкского времени.

На поселении были обнаружены всего две находки из бронзы – четырехгранное шило с отломанной шляпкой (рис. 6.-11) и часть пластинчатого ножа (рис. 12.-1). К сожалению, предметы представлены не полностью, что, как и в предыдущем случае, лишает их возможности выступить более точными хронологическими индикаторами.

Остеологический материал*

Анализ остеологического материала позволил выявить ряд особенностей хозяйственной деятельности людей, проживавших на поселении Роцинское-2. Количественное соотношение домашних и охотничье-промысловых видов свидетельствует о значительном перевесе в пользу последних. На поселении найдены кости благородного оленя (*Cervus elaphus*), сибирской косули (*Capreolus pygargus*) и горного барана (*Ovis* sp). Ареал обитания таких животных охватывает лесостепные, таежные и подтаежные зоны, что хорошо соотносится с местоположением поселения. Естественно, что охотничья деятельность должна была сопровождаться увеличением поголовья лошадей при одновременном сокращении количества коров. Именно такие выводы демонстрирует остеологический материал поселения Роцинское-2. Останки лошадей обнаружены на поселении, в то время как кости крупного рогатого скота практически не встречались. Исключение составляет фрагмент черепа быка. Но его принадлежность дикому или домашнему животному остается под вопросом. Возможно, и он относится к промысловому виду, такому как *Bos taurus*.

Хронология

Для уточнения хронологии памятника в Лабораторию археологической технологии ИИМК РАН были сданы пять образцов костей из различных объектов. К сожалению, получить дату захоронения в людей в объекте №6 не удалось из-за недостаточного количества выделенного коллагена (Le-9946). Еще одна дата по кости животного из жилища №1

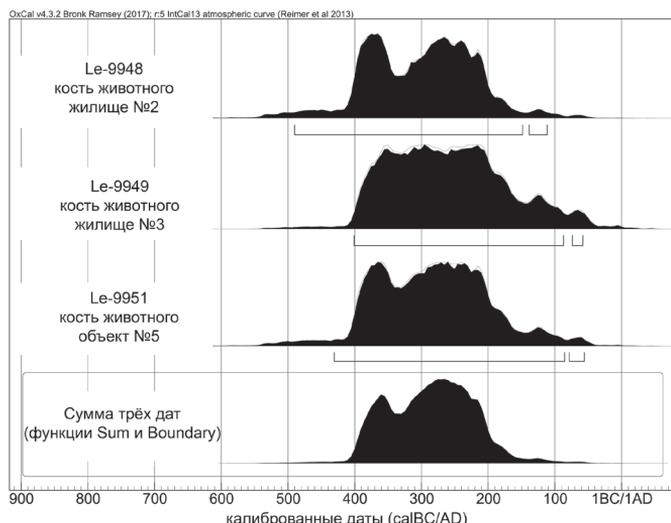

Рис. 13. Роцинское-2. Радиоуглеродные даты

(Le-9947) показала слишком большой доверительный интервал (2860 ± 185), также из-за малого количества коллагена, и не может быть использована для определения возраста памятника. Остальные три определения, выполненные по костям животных из жилищ №2 и 3, а также объекта №5, были удачными и суммарно позволяют датировать памятник IV–III вв. до н.э. (рис. 13). Данная хронология хорошо сочетается с типологией имеющихся материалов, представляющих сарагашенский этап тагарской культуры.

* Определения выполнены к.б.н. А.А. Асочаковым.

Заключение

На основании имеющегося материала можно сделать вывод, что поселение Роцинское-2 представляет собой монокультурный памятник, существовавший сравнительно непродолжительный промежуток времени: IV–III вв. до н.э. (сарагашенский этап тагарской культуры). Вероятнее всего, это было место проживания одной небольшой семейной группы, мужское население которой погибло в результате насильственных действий с внешней стороны. Такой тип поселения можно условно определить как «хуторской двор» с незначительным количеством жилищных построек. Среди них выделялось центральное строение, имеющее наибольшую площадь (жилище №1), и два вспомогательных, одно из которых функционировало лишь в летнее время года, о чем свидетельствует отсутствие очага (жилище №2). Все жилища представляли собой однокамерные постройки, у одного из них существовал длинный вход в виде коридора, предположительно сделанный для сохранения тепла в зимний период. Небольшие очаги располагались в центре построек.

Предварительно можно предположить следующую модель постройки этих жилищ. Они представляли собой полуземлянки каркасно-столбового типа. В основании всех построек находился котлован, постепенно понижающийся к центру. Основным несущим элементом была деревянная рама, опиравшаяся на столбы, которые располагались в центре и вдоль стен котлована. Судя по большому количеству ямок, были установлены дополнительные столбы, поддерживавшие перекрытие. Некоторые из них могли появиться в результате ремонта конструкций. Вероятнее всего, балки кровли должны были опираться одним концом на основание стены, а другим – на раму. Прямой профиль столбовых ям указывает на то, что стены конструкций были вертикальными. Возможно, они обкладывались небольшим тыном или бревнами и закреплялись через определенные интервалы столбиками. Сложнее определить характер перекрытия. Жилища подобного типа раскопаны в Барабе (Чича-1, переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку). Там кровля настилалась из тонких веток и камыша, поверх которых укладывался дерн [Молодин и др., 2004, с. 263]. В жилищах Роцинское-2 в качестве одного из элементов кровли могла использоваться береста, фрагменты которой найдены в заполнении.

Важно отметить, что поселение исследовано полностью*, и мы имеем комплексное представление об организации подобных «хуторов», в которых не могло проживать более десятка человек. Фактически это семейная усадьба с традиционным укладом быта. Короткий период его существования и трагическая судьба жителей демонстрирует особенности жизни в тот период.

Библиографический список

Абсалямов М.Б. О типах жилищ на тагарских и тагаро-таштыкских поселениях // Археология Сибири: Известия кафедры археологии. Вып. 9. Кемерово : КемГУ, 1977. С. 34–42.

Александров С.В., Боковенко Н.А., Килуновская М.Е., Лазаретов И.П., Поляков А.В., Семёнов Вл.А., Соловьёва Н.Ф. Археологические исследования в зоне строительства железной дороги Кызыл – Курагино // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 2. СПб. : ИИМК РАН; Периферия, 2012. С. 195–199.

---

* Для определения границ распространения археологического материала и объектов с разных сторон от Раскопа 1 была разбита сетка рекогносцировочных траншей, размерами 1×5 и 1×10 м. Всего вскрыто 11 рекогносцировочных траншей, общей площадью 95 кв. м.

Александров С.В., Боковенко Н.А., Лазаретов И.П., Поляков А.В. Краткий обзор работ Саянской археологической экспедиции ИИМК РАН в 2012 году // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН №3 (охранная археология). СПб. : ИИМК РАН; Периферия, 2013. С. 185–196.

Алёшкин В.А. Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ (по археологическим материалам Средней Азии и Ближнего Востока). Л. : Наука, 1986. 192 с.

Амзараков П.Б., Ковалева О.В., Лазаретов И.П., Поляков А.В. Поселение скифского времени Старая Копь-1 на восточной окраине Минусинских степей // Записки Института истории материальной культуры РАН. №12. СПб. : Дмитрий Буланин, 2015. С. 130–145.

Амзараков П.Б., Васильев С.А., Корнева Т.В., Поляков А.В. Исследования 1-го отряда Саянской экспедиции ИИМК РАН стоянки Ирба-2 в 2015 г. // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН. №6 (охранная археология). СПб. : ИИМК РАН; Периферия, 2017. С. 138–150.

Антонова Е.В. Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. М. : Наука, 1990. 286 с.

Бибиков С.Н. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре: К истории ранних земледельческо-скотоводческих племен на юго-востоке Европы. М. ; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 460 с. (МИА; №38).

Вадецкая Э.Б. К истории археологического изучения древнейшего прошлого Сибири // Известия лаборатории археологических исследований. Вып. 6. Кемерово : КемГУ, 1973. С. 91–159.

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях среднего Енисея. Л. : Наука, 1986. 180 с.

Виноградов Н.Б., Берсенёва Н.А. Интрамуральные захоронения детей на поселениях первой трети II тыс. до н.э. в Южном Зауралье // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. №3 (55). С. 59–67.

Волков В.В. Оленные камни Монголии. М. : Научный мир, 2002. 248 с.

Грязнов М.П. Тагарская культура // История Сибири. Л. : Наука, 1968. Т. 1. С. 187–196.

Журавлёв Д.В., Саблин М.В., Строков А.А. Захоронения собак на поселении Голубицкая 2 // Азиатский Боспор и Прикубанье в доримское время. М. : ГИМ, 2016. С. 34–37.

Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1962. 328 с.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П. Краткие итоги археологического изучения памятников эпохи ранней бронзы Березовая Лука и Телеутский Взвоз-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. V. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. С. 391–396.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М. : Изд-во АН СССР, 1951. 642 с.

Кузнецов Н.А. Погребения собак на среднем Енисее как археологический источник : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1998. 22 с.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? М. : Изд-во МГПИ «Калина» ВИНТИ РАН, 1994. 464 с.

Литвинский Б.А. Намазга-тепе по данным раскопок 1949–1950 гг. (предварительное сообщение) // Советская этнография. 1952. №4. С. 49–50.

Манай-оол М.Х. Тува в скифское время (уюкская культура). М. : Наука, 1970. 121 с.

Мартынов А.И., Абсалимов М.Б. Тагарские поселения. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. 136 с.

Минор В.А. Обследование древних поселений в долине реки Биджа (Усть-Абаканский район Республики Хакасия) // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2017. №1 (17). С. 38–47.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Чемякина М.А., Ефремова Н.С., Марченко Ж.В., Овчаренко А.П., Рыбина Е.В., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Бенекс Н., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Кулик Н.А. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Т. 2. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. 336 с. (Материалы по археологии Сибири. Вып. 4).

Поляков А.В. Комплекс археологических памятников Старая Копь на правом берегу р. Амыл // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 2. СПб. : ИИМК РАН, Периферия, 2012. С. 258–263.

Формозов А.А. Строительные жертвы на поселениях и в жилищах эпохи раннего металла // Советская археология. 1984. №4. С. 238–241.

References

Absalyamov M.B. O tipah zhilishch na tagarskih i tagaro-tashtykskih poseleniyah [About Types of Dwellings in Tagar and Tagar-Tashtyk Settlements]. *Arheologiya Sibiri: Izvestiya kafedry arheologii* [Archaeology of Siberia: Bulletin of the Department of Archaeology]. Vyp. 9. Kemerovo : KemGU, 1977. Pp. 4–42.

Aleksandrov S.V., Bokovenko N.A., Kilunovskaya M.E., Lazaretov I.P., Polyakov A.V., Semyonov V.I., Solov'yova N.F. Arheologicheskie issledovaniya v zone stroitel'stva zheleznoj dorogi Kyzyl–Kuragino [Archaeological Research in the Construction Zone of the Kyzyl-Kuragino Railway]. *Kul'tury stepnoj Evrazii i ih vzaimodejstvie s drevnimi civilizatsiyami* [Cultures of Steppe Eurasia and Their Interaction with Ancient Civilizations]. Kn. 2. SPb. : IIMK RAN; Periferiya, 2012. Pp. 195–199.

Aleksandrov S.V., Bokovenko N.A., Lazaretov I.P., Polyakov A.V. Kratkij obzor rabot Sayanskoj arheologicheskoj ekspeditsii IIMK RAN v 2012 godu [A Brief Review of the Work of the Sayan Archaeological Expedition of the IIMK RAS in 2012]. *Byulleten' Instituta istorii material'noj kul'tury RAN №3 (ohranaya arheologiya)* [Bulletin of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences No. 3 (Security Archaeology)]. SPb. : IIMK RAN; Periferiya, 2013. Pp. 185–196.

Alyokshin V.A. Social'naya struktura i pogrebal'nyj obryad drevnezemel'del'cheskih obshchestv (po arheologicheskim materialam Srednej Azii i Blizhnego Vostoka) [Social Structure and Funeral Rite of Ancient Agricultural Societies (Based on Archaeological Materials of Central Asia and the Middle East)]. L. : Nauka, 1986. 192 p.

Amzarakov P.B., Kovaleva O.V., Lazaretov I.P., Polyakov A.V. Poselenie skifskogo vremeni Staraya Kop'-1 na vostochnoj okraine Minusinskih stepej [Settlement of the Scythian Time Old Kop-1 on the Eastern Outskirts of the Minusinsk Steppes]. *Zapiski Instituta istorii material'noj kul'tury RAN* [Notes of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences]. №12. SPb. : Dmitrij Bulanin, 2015. Pp. 130–145.

Amzarakov P.B., Vasil'ev S.A., Korneva T.V., Polyakov A.V. Issledovaniya 1-go otryada Sayanskoj ekspeditsii IIMK RAN stoyanki Irba-2 v 2015 g. [Studies of the 1st Detachment of the Sayan Expedition of the IIMK RAS of the Irba-2 Site in 2015]. *Byulleten' Instituta istorii material'noj kul'tury RAN. №6 (ohranaya arheologiya)* [Bulletin of the Institute of the History of Material Culture of the RAS. No. 6 (Security Archaeology)]. SPb. : IIMK RAN; Periferiya, 2017. Pp. 138–150.

Antonova E.V. Obryady i verovaniya pervobytnyh zemledel'cev Vostoka [Rites and Beliefs of Primitive Farmers of the East]. M. : Nauka, 1990. 286 p.

Bibikov S.N. Rannetripol'skoe poselenie Luka-Vrublevetskaya na Dnestre: K istorii rannih zemledel'chesko-skotovodcheskih plemen na yugo-vostoke Evropy [The Early Tripoli Settlement of Luka-Vrublevetskaya on the Dniester: On the History of Early Agricultural and Cattle-Breeding Tribes in Southeastern Europe]. M. ; L. : Izd-vo AN SSSR, 1953. 460 p. (MIA; №38).

Vadeckaya E.B. K istorii arheologicheskogo izucheniya drevnejshogo proshlogo Sibiri [On the History of Archaeological Studies of the Ancient Past of Siberia]. *Izvestiya laboratorii arheologicheskikh issledovanij* [Bulletin of the Archaeological Research Laboratory]. Vyp. 6. Kemerovo : KemGU, 1973. Pp. 91–159.

Vadeckaya E.B. Arheologicheskie pamyatniki v stepyah srednego Eniseya [Archaeological Sites in the Steppes of the Middle Yenisei]. L. : Nauka, 1986. 180 p.

Vinogradov N.B., Bersenyova N.A. Intramural'nye zahoroneniya detej na poseleniyah pervoj treti II tys. do n.e. v Yuzhnom Zaural'e [Intramural Burial of Children in the Settlements of the First Third of the Second Millennium BC in the South Trans-Urals]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2013. №3 (55) S. 59–67.

Volkov V.V. Olennye kamni Mongolii [Deer Stones of Mongolia]. M. : Nauchnyj mir, 2002. 248 p.

Gryaznov M.P. Tagarskaya kul'tura [Tagar Culture]. *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. L. : Nauka, 1968. T. 1. Pp. 187–196.

Zhuravlyov D.V., Sablin M.V., Stokov A.A. Zahoroneniya sobak na poselenii Golubickaya 2 [Dog Burials in the Settlement of Golubitskaya 2]. *Aziatskij Bospor i Prikuban'e v dorimskoe vremya* [Asian Bospor and Kuban in Pre-Roman Times]. M. : GIM, 2016. Pp. 34–37.

Zadneprovskij Yu.A. Drevnezemel'del'cheskaya kul'tura Fergany [The Ancient Agricultural Culture of Ferghana]. M.; L. : Izd-vo AN SSSR, 1962. 328 p.

Kiryushin Yu.F., Tishkin A.A., Grushin S.P. Kratkie itogi arheologicheskogo izucheniya pamyatnikov epohi rannej bronzy Berezovaya Luka i Teleutskij Vzvoz-I [Brief Results of Archaeological Research of

Sites of the Early Bronze Age Birch Luke and Teleut Vzvoz-I]. *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. T. V. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 1999. Pp. 391–396.

Kiselev S.V. *Drevnyaya istoriya Yuzhnoj Sibiri* [The Ancient History of Southern Siberia]. M. : Izd-vo AN SSSR, 1951. 642 p.

Kuznecov N.A. Pogrebeniya sobak na srednem Enisee kak arheologicheskij istochnik: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Dog Burials on the Middle Yenisei as an Archaeological Source: Abstract. Dis. ... Cand. Hist. of Sciences]. Novosibirsk, 1998. 22 p.

Kuz'mina E.E. Otkuda prishli indoarii? [Where did the Indo-Aryans Come from]. M. : Izd-vo MGP «Kalina» VINITI RAN, 1994. 464 p.

Litvinskij B.A. Namazga-tepe po dannym raskopok 1949–1950 gg. (predvaritel'noe soobshchenie) [Namazga-tepe according to the Excavations of 1949–1950 (Preliminary Report)]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. 1952. №4. Pp. 49–50.

Manaj-ool M.H. Tuva v skifskoe vremya (uyukskaya kul'tura) [Tuva in Scythian Time (Uyuk Culture)]. M. : Nauka, 1970. 121 p.

Martynov A.I., Absalyamov M.B. Tagarskie poseleniya [Tagar Settlements]. Krasnoyarsk : Izd-vo Krasnoyarsk. un-ta, 1988. 136 p.

Minor V.A. Obsledovanie drevnih poselenij v doline reki Bidzha (Ust'-Abakanskij rajon Respubliki Haka-siya) [Inspection of Ancient Settlements in the Bija River Valley (Ust-Abakan Region of the Republic of Khakassia)]. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya* [Scientific Review of Sayano-Altai]. 2017. №1 (17). Pp. 38–47.

Molodin V.I., Parcinger G., Garkusha Yu.N., Shneevajs J., Grishin A.E., Novikova O.I., Chemyakina M.A., Efremova N.S., Marchenko Zh.V., Ovcharenko A.P., Rybina E.V., Myl'nikova L.N., Vasil'ev S.K., Beneke N., Manshtejn A.K., Dyad'kov P.G., Kulik N.A. Chicha – gorodishche perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Barabinskoj lesostepi [Chicha – the Ancient City of Transition from Bronze to Iron Time in the Baraba Forest-steppe]. T. 2. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2004. 336 p. (Materialy po arheologii Sibiri. Vyp. 4).

Polyakov A.V. Kompleks arheologicheskikh pamyatnikov Staraya Kop' na pravom beregu r. Amyl [The Complex of Archaeological Sites Old Kop on the Right Bank of the River Amyl]. *Kul'tury stepnoj Evrazii i ih vzaimodejstvie s drevnimi civilizacijami* [Cultures of Steppe Eurasia and their Interaction with Ancient Civilizations]. Kn. 2. SPb. : IIMK RAN, Periferiya, 2012. Pp. 258–263.

Formozov A.A. Stroitel'nye zhertvy na poseleniyah i v zhilishchah epohi rannego metalla [Building Victims in Settlements and Dwellings of the Early Metal Era]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archaeology]. 1984. №4. Pp. 238–241.

O.V. Kovaleva¹, A.V. Poliakov², P.B. Amzarakov²

¹*Khakass Scientific Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russia;*

²*Institute of History and Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia*

LATE SCYTHIAN SETTLEMENT ROSHCINSKOYE-2

The settlement Roshchinskoye-2 was discovered in 2010 by the Sayan archaeological expedition of the IHMC OF RAS (under the leadership of A.V. Polyakov) when designing the construction of the Kyzyl-Kuragino railway line on the territory of the Kuraginsky district of the Krasnoyarsk region. During the survey of the area by continuous excavations for housing structures, objects of household use, burial of animals and people were found. The article presents the results of the study of these objects. Important conclusions were obtained in the study of housings. It was possible to determine the main elements of structures that allow them to be attributed to frame-pillar type semi-earthen housings. The human remains found in the housings and on the territory of the settlement belonged to infants and the grave without ant inventory belonged to the male who died as a result of violent actions. Analysis of materials and the results of radiocarbon dating allowed us to determine that the settlement of Roshchinskoye-2 is a monocultural site that existed for a short period of time, dating back to the 4th–3rd Centuries BC (Saragash stage of Tagar culture).

Key words: Minusinsk basin, Kuragino district, Krasnoyarsk region, Tagar archaeological culture, Saragash stage, settlement Roshchinskoye-2, housings, burials.